Чудный олень вечной охоты

Светлана Алексиевич

SHOUT
SHARE
IT

- Алексиевич Светлана
  - ○

Алексиевич Светлана
Чудный олень вечной охоты

Светлана Алексиевич
Чудный олень вечной охоты
(книга любви)
Плоть печальна, увы.
Малларме Любовь
это:
вечная пьеса, солнечный удар, коррида, кусочек неба, храм, темные аллеи, попытка бессмертия, пожар сердца, ловушка, волшебные цепи, спуститься в ад, алхимия, прыжок через абсурд, убежище, рабство, жертвоприношение, одиночество вдвоем, затмение, музыка вечного, химический феномен, бездна, яркая чара, биологическое приключение, тоже самое, что и у лягушек, дар божий, роковая игра, б..., галлюцинация, рукопашная схватка, искусство, акт размножения, охота за добычей, наркотик, сладкая погибель, приятное занятие, эпидемия, сон разума, выход в космос, катастрофа, победа над временем, счастливый билет, стояние перед тайной, первооснова мира, чудесное сумашествие, театр,
исчезновение в другом, орудие познания, сон...
смерть...
космический сюжет... ...
и
"тайна сия велика есть"
Авторский комментарий к истории историй
О чем читатель прочтет в этой книге?
О том, что все превращается в воспоминание.
О том, как интересна жизнь каждого из нас.
О том, что без мысли о смерти ничего нельзя понять.
О том, как любовь бросает нас вглубь самих себя.
О том, что человек не святой и не сатана, посредине - небесное животное.
О том, что невозможно что-то делать нашим знанием.
О том, что в любви человек ищет то же, что на войне и в преступлении.
О том, что в каждом из нас притаилось два человека -- мужчина и женщина.
О том, что мы живем среди теней, среди невозможного и несбывшегося.

О том, что в любви исчезаешь, как в смерти.

О том, что на самом деле происходит между мужчиной и женщиной.

О том, что нам недоступна жизнь и память тела.

О том, что Христос тоже был мужчина.

О том, что умереть от любви можно и на войне.

О том, что каждый может вспомнить то, о чем он не хочет говорить.

О том, что в мире все любят друг друга - цветы, деревья, бабочки, червяки, птицы...

О том, что никакая техника не освободит нас оттого, что мы должны любить, чувствовать, страдать.

О том, что нельзя привыкнуть к мысли, что все исчерпывается пределами нашей жизни.

О том, что есть мужчины, которые знают: интересно быть женщиной.

О том, что есть время любви, и оно течет иначе, чем обычное время нашей жизни.

О том, как тоскует человек о бессмертии.

О том, что тайна нежна и беспощадна.

О том, что боль - это искусство.

О том, что маленькая смерть безумно близка.

О том, что все русское печально...

Истории

Он:

Человек же слепой, без тайны слабый. Слова поднимаются, слова цепляются друг за друга, но это дыхание чего-то иного, стоит человеку узнать любовь, как он узнает все, всю правду. С одной стороны, вариации на одну и ту же тему, а с другой - стояние перед загадочной вещью, люди, у которых это есть или было, их ни с кем не спутаешь, то есть это материально и нематериально одновременно. Фотография в тумане... (Неожиданно спрашивает). А почему вдруг о любви? Никто не говорит сегодня о любви. Говорят о войне, о политике... (И тут же сам отвечает). Я понимаю, хочется о главном... Другая жизнь... Другой жизни у нас скоро не будет, всегда среди крови и руин... Всегда... А мне нравится быть с собой... И всегда это о себе знал, даже в детстве. Маме жаловался, что мне на ухо кто-то шепчет, она водила к врачу: все ли в порядке с моими ушами, то есть уши были нормальные, а я сам с собой беседовал, что там внутри у меня происходит. Мне всегда интересно с собой, интереснее, чем с другими. Никакое это не убежище и не игра, а рабочая мастерская, я хочу узнавать свою жизнь, я сижу на этом острове. И если эту нитку вытянуть, то есть признаться, что все сказки на

наших глазах рассыпались, старые и новые, ни одной не осталось, я хочу быть участником хотя бы собственной жизни. Наконец я свободен, я один, я открываю мир по опыту в себе и мне - не интересно надеть солдатскую шинель, эти глупые сапоги и взять автомат. Стоять на баррикаде и размахивать флагом, нести чей-то портрет...неинтересно... Хотя я догадываюсь, что война и любовь - это как бы из одного костра, то есть это одна ткань, та же материя. Человек с автоматом или тот, кто на Эльбрус взобрался, кто воевал до Победы, строил социалистический рай, - все та же история, тот самый магнит и то же самое электричество. Вы понимаете, о чем я? Я говорю о человеческой тоске, чего-то человек не может, чего-то нельзя купить, выиграть в лотерею, получить по наследству, оно есть или его нет, случилось или не случилось. А он этого хочет... Тоскует... И не разберется как? Где? То есть все это со мной было...

Это почти рождение...Начинается с удара... Когда человек приходит в сознание, он говорит себе: ну вот, наверное, я об этом думал, я это видел. А все ли он вспомнил, что с ним было? То есть никакой формулы из этого не получится, одна синтетика, копия. Вы понимаете о чем я? Иногда во мне желание пройти по земле просто так, как проходят растения и животные. Беспамятно. Просто так. А, может, любовь нам дана, чтобы не страшно было умирать? То есть прыгнуть и достать... Или не надо эти тайны разгадывать, а просто с ними жить? Просто жить...

Первый день... Прихожу к своему знакомому, у него компания, у вешалки в прихожей снимаю пальто, кто-то идет с кухни и надо пропустить, оборачиваюсь - она! - у меня произошло короткое замыкание, как будто во всем доме выключили свет. И вот все. За словом обычно в карман не лезу, а здесь просто сел и сидел, даже ее не видел, то есть это не то чтобы я на нее не смотрел, я долго-долго смотрел сквозь нее, как в фильмах Тарковского: льют из кувшина воду, она льется мимо чашки, затем ме-е-е-дленно поворачивается с этой чашкой. Рассказываю дольше, чем это произошло. Молния... В этот день что-то такое узнал, что все остальное стало неважным, даже особенно не разбирался, а, собственно, зачем, оно так прочно, случилось и все, упало на меня откуда-то. Ее пошел провожать жених, у них, как я понял, скоро намечалась свадьба, но мне было все равно, я собрался домой и ехал уже не один, ехал с ней, она уже поселилась во мне. Любовь начинается, когда вдруг тебя нету, ты расплавляешься в ком-то или в чем-то, и это чувство длится, распространяется во все стороны, протяженность почти физическая, оказываешься в ином пространстве, то есть ты ничего не понимаешь и нет никаких шансов понять и не сотрешь

резинкой с бумажки. Все вдруг другого цвета... Голосов больше, звуков больше... Утром проснулся с мыслью, что мне надо ее найти, а я не знаю ни ее имени, ни ее адреса, ни ее телефона, но уже все произошло, что-то главное в жизни со мной уже произошло... Человек прибыл... Вы понимаете о чем я? Нет? Я слишком логичен, в жизни так не бывает, в жизни все разбросано, мимолетно, смутно. А я слишком логичен... Было или не было, может, и не было, то есть то, что происходит с человеком, это может и не быть, просто кинолента крутится, прокрутилась. Знаю такие моменты в своей жизни, которых как бы и не было, например, два года в армии, недавано сидел и пытался вспомнить казарму, своих друзей, это было совсем недавно, у меня даже остались фотографии, но все высыпалось, как песок, смылось. Есть такие вещи, которые не высыпаются, их надо взять с собой. А все остальное... Армии не помню, но служил у нас прапорщик, он воевал в Афганистане, напьется и рассказывает... Как после первого боя сел на песок и стал орать: "Я есть! Я живу!" Качается по песку и орет, их десять человек из двадцати осталось, каждого второго уже завернули в целлофан, и на ним вслед все закрыли уши руками и заорали : "Я - есть! Я - живу!" Это было... Но почему я вдруг об этом? Я же о другом, как проснулся на второй день... Ни имени, ни адреса, ни телефона... Человек всегда ребенок, когда это происходит... Как в детстве... В детстве сядешь возле мамы, и она тебя понимает и понимает, что ты это понимаешь, то есть мистика, которая возвращается в особенные минуты. Но мои родители жили в мире, который они могли объяснить, вокруг был понятный им мир. А у меня нет...

Второй день... Я купил розу... Денег практически не было, поехал на рынок и купил самую большую, какую там нашел, розу. Там же цыганка меня - за рукав: "Дай, милок, погадаю. По глазам твоим вижу..." Убежал. Зачем? Я и сам уже знаю, что тайна стоит в дверях... Тайна, таинство, покрывание... Первый раз ошибся квартирой - открыл мужик в свисающей майке, увидел меня с розой, замер: "Бля!" Поднимаюсь на следующий этаж... Через цепочку выглядывает странная старушка в шляпке: "Лена, к тебе". Потом она играла нам на старинном фортепиано, рассказывала о театре, бывшая актриса, когда-то очень красивая и известная. Говорили больше всего про кота, в доме жил большой черный кот, то есть домашний тиран, который почему-то меня сразу невзлюбил, а я старался ему понравиться. Тайну можно пережить, когда тебя нет, во время происхождения тайны ты как бы отсутствуешь. Вы понимаете о чем я? Не надо быть космонавтом, чемпионом или героем, ты можешь все испытать в обыкновенной двухкомнатной квартире - двадцать восемь квадратных метров,

совмещенный санузел, среди старых, как декорации в провинциальном театре, вещей. Двенадцать часов ночи, два часа... Мне надо уходить, а я не понимаю, почему я должен уходить из этого дома... Больше всего это похоже на воспоминание, как будто все вспомнилось, долго ничего не помнил, а теперь все вернулось ко мне... Я соединился... Я думаю, что-то подобное испытывает человек, который много дней провел в келье, мир для него обнаружился в бесконечных деталях. Очертаниях. То есть тайна, она же доступна, как предметная вещь, как ваза, например, но чтобы что-то понять, должно быть больно. Когда-то в юности попробовал читать Цветаеву и ничего не понял, у нее слова звучат, произносятся как заклинания, в них мощность прикорневая. А как понять, если не болит, надо чтобы больно, больно...

...Первый раз что-то о женщине мне объяснили в семь лет, мои друзья, возраст примерно такой же, запомнил их радость, что они знают, а я не знаю, вот мы сейчас тебе все растолкуем. И начали рисовать палочками на песке...

В четвертом классе пригласил девочку в кино. Ели мороженое...

То, что женщина что-то другое, я почувствовал в семнадцать лет, не через книжки, а через кожу, ощутил близко от себя что-то бесконечно другое, огромную какую-то разность и пережил потрясение, что это другое. Что-то там, внутри, в женском сосуде спрятано, мне недоступное, загадочно мерцающее. Во сне... Только в снах мелькают догадки, когда открываешь глаза, они исчезают...

Представьте себе солдатскую казарму... Воскресенье, нет никаких занятий, двесте человек, двести мужиков, затаив дыхание сидят и смотрят аэробику, то есть на экране девушки в туго обтягивающих костюмах... Мужики, как истуканы с острова Майя, сидят и смотрят. Если ломался телевизор, это катастрофа, того, кто виноват, могли убить. Вы понимаете, о чем я? Тайна, таинство, покрывание...

Третий день... Встал утром и не надо никуда бежать, вспоминаешь, что она есть, она нашлась. Тебя отпускает тоска, хотя ты еще помнишь цепкие корни тоски и того ужаса, которые настигали тебя всюду. Ты обнаруживаешь вдруг свое тело... Руки, губы... У них своя память. Обнаруживаешь за окном небо и деревья, почему-то все близко-близко, до тесноты внутри приблизилось к тебе. Так бывает только во сне... И откуда-то мысль, что в телах деревьев и людей много общего, телесного, что в том мире тоже много любви, не известной нам. Ночь дарит человеку свободу, она говорит: смотри, я все ненужное закрою, я

закрою своим прочным покрывалом все лишнее. Остается одна любовь...

По объявлению в вечерней газете мы нашли немыслимую квартиру в немыслимом районе на краю города. Во дворе по выходным отдыхающие пролетарии с утра до вечера крыли матом, стучали в домино и играли в карты на бутылку водки. Но это было там, за стеклом...

Ты пришел, наконец, это произошло... Тайна стоит в дверях, она извечно присутствует, люди это запоминают и думают, что так будет длиться вечно. Возвращаешься назад - записка: "Здесь была тайна". Тайна сама уходит... То есть вечная история. Я хочу понять тайну... Я не хочу идти и умирать... Я не хочу умирать ни за родину, ни идею, ни за великую геополитику, ни за нефть. Хочу жить. Жи-и-и-ть! Просто жить. Что, этого мало? (Затянувшееся молчание). Близко это... Это всегда у нас близко... Вчера был на военных похоранах... Мой одноклассник... Лейтенант милиции... Привезли из Чечни... Очередная кавказская кампания... Говорю об этом, отец смотрит на меня большими глазами, полными страха и непонимания, потому что он прожил в другом мире. Там никто не жил для себя, собой, для чего-то всегда, что-то обязательно было выше их собственной жизни. А я так не хочу! Не хочу... (Снова молчит.) Вы понимаете, о чем я? Счастливых людей, кроме моей трехмесячной дочери, я никого... никого не встречал... Она смотрит на мир, как, наверное, смотрит на него цветок. Или птенец. Почему мы не завидуем растениям и птицам? (Немного с досадой на себя.) Хотел о любви... А рассказал? О войне...

Она:

Он идет и... А иногда, когда я оборачиваюсь, то он парит над травой и не касается ее ногами. Я только так вижу его во сне... Я, конечно... Я пребываю в том же состоянии, когда об этом рассказаваю... (Замолкает. А затем радостно и торопливо). Все это звуки, звуки... А музыка она внутри меня, я ставлю эту пластинку и все возвращается обратно. Стоит лишь закрыть глаза... Раньше я пугалась ухода, пока не поняла, что ничего не исчезает, не истлевает, все остается. Все, что прошло - с нами, и ничего нельзя начать нового. Иногда думаю: ну, ты не сочиняешь симфонии, не рисуешь картины, но это не значит, что этого не существует, мы далеко не обо всем догадываемся, и это оставляет нам надежду. Господи, какая же я счастливая, что это у меня в руках. Я упиваюсь мыслями, я упиваюсь воспоминаниями, я упиваюсь сама собой. Это двуполое существование, какой тут мужчина. Выше невозможно. Дохожу до себя, ловлю эти клочки... Я бываю в отчаянии, недолго, правда. Иду и иду. Вот есть путь, и я никуда

не спешу...

... Мой первый муж... Это прекрасная история. Два года он за мной ухаживал, и два года мы прожили с ним, поженившись. Я очень хотела за него замуж, потому что мне нужно было его целиком, чтобы он никуда не делся. Я вспоминаю это как болезнь... Даже не знаю, зачем он мне так вот весь был нужен. Вот... Вот никогда не разлучаться, все время видеть и устраивать какие-то скандалы, и трахаться, трахаться, без конца трахаться. Он был первым мужчиной в моей жизни. Первый раз это вообще был такой... м-м-м... интерес просто - что же такое происходит? Еще раз - тоже... и в общем... какая-то техника... И вот так продолжалось полгода... А ему, вообще-то, не обязательно было, чтобы я это была я, он мог найти и что-то другое. Но почему-то вот мы женимся... Мне двадцать два года. Вместе учимся в музыкальном училище, у нас все вместе. Не помню уже, как это произошло, вот этот миг пропустила, но я полюбила мужское тело, когда оно тебе принадлежит... В тот момент я даже не знаю... я воспринимаю это значительней, чем одного человека, какое-то космическое явление... Отрываешься от земли, куда-то уходишь... Попытка ухода... (Неожиданно засмеялась). Я люблю любовь... Это была прекрасная история. Она могла продолжаться без конца и могла в полчаса кончиться. Вот... Я ушла. Ушла сама. Он меня умолял остаться. Почему-то я решила, что я уйду. Я так устала от него... Боже, как я от него устала... Уже беременна, у меня пузо... Зачем он? Трахались, потом ругались, потом я плакала, потом опять трахались. Если бы родился ребенок... Наверное, надо было подождать. Но вот я помню, что вышла из дому, закрыла дверь и вдруг почувствовала радость, что я сейчас уйду. Уйду насовсем. Уехала к маме, она жила здесь, в Москве, он примчался ночью и был совершенно сбит с толку: беременная, почему-то все время недовольная, что-то ей еще нужно. Ну, что еще? И я перевернула эту страницу... Была очень рада, что он у меня был, и очень рада, что его больше нету. Моя жизнь - всегда копилка. Было - и кончилось, было - и кончилось... Перевернула страницу... (И опять засмеялась).

Ой, я так красиво родила Аньку, мне так это понравилось. Во-первых, воды у меня отошли - я ходила по многу километров, и где-то на каком-то километре в лесу у меня отошли воды. Вообще-то плохо понимала - ну, что же, мне сейчас уже собираться в больницу? Подождала до вечера. Мороз был страшный - сорок градусов. Все-таки решила пойти. Врач посмотрела: "Будешь два дня рожать". Звоню домой: "Мама, принеси мне шоколад. Буду долго лежать". Перед утренним обходом забежала медсестра: "Слушай, у тебя уже головка торчит.

Надо в кресло". Идти неудобно... Как будто мне там засунули мячик... "Скорее. Скорее! - кричит медсестра. - Позовите врача". У меня живот вот такой, все загораживал, тут смотрю - он вот... падает и там, значит, заорало... Забулькало чего-то, закрякало... Мне говорят: "Вот-вот. Сейчас-сейчас. И показывают: "Девочка у тебя." Взвесили - четыре килограмма. "Слушайте, ни одного разрыва. Пожалела маму." Ой, когда ее назавтра принесли... Глаза - одни зрачки, черные, плавают и больше ничего не вижу...

У меня началась новая, совсем другая жизнь. Мне понравилось, как я стала выглядеть. В общем-то... Вот я стала красивее сразу... Анька тут же заняла свое место, я очень любила ее, но вот как-то она не была у меня абсолютно связана с мужчинами. Кто-то ее сделал... Зачал... Да, нет! С неба... И она росла такая же самостоятельная. Научилась говорить, у нее спрашивают:

- Анечка, у тебя папы нет?
- У меня вместо папы бабуля.
- А собаки у тебя нет?
- У меня вместо собаки хомячок.

Мы с ней вдвоем вот такие... Я всю жизнь боялась, чтобы я была не я. Даже, когда лечили зуб, просила: "Не делайте укол. Не обезболивайте." Мои чувства - это мои чувства, хорошие, больные, не отключайте меня от меня. Мы с Анькой нравились друг другу. И вот такие мы встретили его... Глеба...

Если бы он не был он, я бы никогда еще раз не вышла замуж. У меня все было: ребенок, работа, свобода. Вдруг он... нелепый, почти слепой, с одышкой... Впустить в свой мир человека с таким тяжелым грузом прошлого двенадцать лет сталинских лагерей, забрали мальчишкой, шестнадцать лет... С грузом того знания... разницы... Это же, собственно, не свобода, я бы сказала. Что это? Зачем? Признаться, что я только жалела? Нет. Это тоже была любовь. Это была именно любовь. (Говорит больше для себя, чем для меня). Уже семь лет без него... И мне даже жалко, что он меня такую, как я сейчас, не знал. Теперь я больше понимаю его, я до него доросла, уже без него. Вот... То, что я рассказываю... я опять боюсь... я боюсь, что я буду не я... Иногда страшно... Как в море... В море я любила заплывать далеко-далеко, пока однажды не испугалась - я одна, там глубина, и я не знаю, что там...

(Пьем чай. Говорим о другом. Также неожиданно, как и кончились, воспоминания, продолжаются.)

Ой, эти пляжные романы... Не надолго. Коротенько. Такая маленькая модель жизни. Можно красиво начать, и можно красиво уйти, то, что у нас не получается в жизни, то, чего бы мы хотели. Поэтому мы так любим куда-то поехать. Вот... У меня две

косички, платье в синий горошек, купленное за день до отъезда в "Детском мире". Море... Заплываю далеко далеко, больше всего на свете я люблю плавать. С утра делаю зарядку под белой акацией... Идет мужчина, мужчина и все, очень обычной внешности, немолодой, увидел меня, почему-то обрадовался. Стоит и смотрит.

- Хотите, я вечером вам стихи почитаю?

- Может быть, а сейчас я уплыву далеко-далеко.

- А я буду вас ждать.

Стихи читал плохо, все время поправлял очки. Но был трогателен... Я поняла... Я поняла, что он чувствует... Вот эти движения, эти очки, вот эта взволнованность. Но совершенно не помню, что он читал, и почему это должно быть таким значительным. Чувства - это какие-то отдельные существа страдание, любовь, нежность... Они живут сами по себе, мы их чувствуем, но не видим. Ты вдруг становишься частью чужой жизни, еще ничего об этом не подозревая. Все происходит с тобой и без тебя... Одновременно... "Я так тебя, ждал" - встречает он меня на следующее утро. И говорит это таким голосом, что я почему-то в этот момент ему верю, хотя совсем не была готова. Даже наоборот. Но что-то меняется вокруг, не уловлю что, каким образом. Мне стало спокойно за то, что со мной будет, это еще не любовь, а просто я услышала... Вот такое ощущение... Что вдруг получила чего-то много-много. Человек услышал человека. Достучался. Уплываю далеко-далеко... Возвращаюсь. Ждет. Опять говорит: "У нас с тобой все будет хорошо". И почему-то я опять в это верю... Вот... Каждый день он встречал меня у моря... Пьем шампанское: "Это красное шампанское, но по цене нормального шампанского". Фраза мне нравится. (Смеется). Жарит яичницу: "У меня с этими яичницами интересное дело. Я их покупаю десятками, жарю парами, и всегда остается одно яйцо". Какие-то такие милые вещи...

Все смотрят на нас и спрашивают: "Это твой дедушка? Это твой папа?". Я вот в таком коротком платье... Мне двадцать восемь лет... Это потом он стал красивый. Со мной. Почему я? Я была в отчаянии все время. Служить. Другого пути нет. Или лучше не начинать. Русская женщина готова страдать - а что же ей еще делать? Мы привыкли к нашим мужчинам, нескладным, несчастным, такой был у моей бабушки, у моей мамы. Мы другого не ждем, нам это передается. А фантазерки мы жуткие...

- Я тебя вспоминал.

- А как ты меня вспоминал?

- Мне хотелось, чтобы мы с тобою куда-то шли.

Далеко-далеко.

Взявшись за руки. И ничего мне не нужно, а чтобы я чувствовал - ты рядом. Вот нежность такая у меня к тебе - просто смотреть и идти рядом.

Мы провели с ним счастливые часы, абсолютно детские. Хорошие люди всегда дети. Инфантильные. Беспомощные. Их надо защищать.

- Может, уедем с тобой на какой-нибудь остров, там будем лежать на

песке...

Это мое... А как вообще должно быть, я не знаю. С этим так, с другим иначе. Ну, как должно быть? Кто это измерит? И где эти весы... Этот... Вся русская культура построена на том, что несчастье - лучшие университеты, мы в этом выросли. А хочется счастья... Ночью просыпаюсь: что я делаю? Вот... Мне было не по себе, и я от этого напряжения... "У тебя все время напряженный затылок," - замечал он. А как вытянуть, выбросить это из сознания... Что я делаю? Куда я падаю? Там пропасть...

Он напугал меня сразу... Вот хлебница... Как только он видел ... хлеб, он начинал его методично съедать. Любое количество. Хлеб нельзя оставлять. Это пайка. Вот ест и ест, сколько есть хлеба, столько и съест. Я не сразу поняла...

Его пытали зажженным светом... Мальчишка же, Господи... Шестнадцать лет... Целыми сутками не давали спать. Через десятки лет он не мог выносить яркого света, даже яркого летнего солнца. То, что я любила, вот эту утреннюю яркость в воздухе, когда облака еще выше, плывут высоко-высоко над тобой. А у него могла подняться температура... От света...

В школе его били и писали на спине мелом: "Сын врага народа". Директор школы командовала... Детские страхи не пропадают, они сидят в человеке до его смерти. Выныривают в тяжелые минуты... Торчат... И я это в нем слышала...

Куда я? Русские женщины любят найти вот этих несчастных. Моя бабушка любила одного, родители выдали замуж за другого. Как тот ей не нравился, как не хотела. Боже! И решила, когда в церкви батюшка с вопрошением обратится к ней: идешь ли по своей воле? - она откажется. А батюшка напился, и вместо того, чтобы спросить, как положено, сказал: "Ты его не обижай, он ноги на войне отморозил." Вот уже, конечно, надо выходить замуж. Так бабушка на всю жизнь получила нашего дедушку, которого никогда не любила. Вот это замечательная заставка ко всей нашей жизни. "Ты его не обижай, он ноги на войне отморозил." У моей мамы муж тоже был на войне, вернулся разрушенный. Жить с таким человеком, с тем, что он принес в себе, - большая работа, она легла на женские плечи. Никто! Никто не написал, нигде я не

читала, как трудно жить с победителями. У Глеба в дневниках есть точная фраза: в лагере он понял - в России сидел каждый второй: за арестованного отца, за подобранный на колхозном поле колосок, за опоздание на работу (десять минут), за недоносительство, за анекдот, за аборт... Наши мужчины мученики, они все с травмой - или после войны, или после лагеря. Для многих война кончалась лагерем, эшелоны с фронта шли прямиком в Сибирь. Сразу после победы. Эшелоны с победителями. Обычное наше состояние - с кем-то воевать. Женщина врачует, врачует... Держит мужчину немножко за героя, немножко за ребенка. Спасает. До сегодняшнего дня... Советская империя пала... Теперь у нас - жертвы развала... Оглянитесь, сколько вокруг оказавшихся на обочине, на ходу сброшенных с паровоза - армия сокращается, заводы стоят... Инженеры и врачи на рынках колготками торгуют... Бананами... Я люблю Достоевского, но он - это же зона. Военная тема в России вечная, у нас никак не получается сказать послесловие... Вот... (Останавливается). Давайте передохнем... Еще чая согрею. И тогда дальше... Я должна пройти этот путь от начала до конца. Со своей чашечкой опыта...

(Через полчаса наш разговор возобновляется).

Наверное, год прошел или чуть больше... Он должен был уже приехать ко мне домой, и я его предупредила, что мама у меня хорошая, а вот девочка не совсем... такая... Как она встретит, не ручаюсь. Ой, моя Анька. (Хохочет). Все тащила к уху: игрушку, камень, ложку... Дети тащат в рот, а она к уху как звучит! Я довольно рано начала заниматься с ней музыкой, но какой-то тупой ребенок, как только ставлю пластинку, она поворачивается и уходит. Ей не нравилась ничья музыка, черта композитора: интересно только то, что внутри ее самой звучит. Ну, вот Глеб приехал, очень смущенный, подстригся как-то неудачно, коротко, особенно красив не был. И привез пластинки. Что-то начал рассказывать, как он шел, как он эти пластинки купил. А у Аньки слух... она не слова слышит, а иначе... эти интонации... Сразу взяла пластинки: "Какие плекласные пластинки". Вот так началась и их любовь. Через какое-то время она меня ставит в тупик: "Как бы его мне папой не назвать?" Он не старался ей нравиться, просто ему было интересно. Они будут любить друг друга больше, чем меня. Оба. И он, и она. Думаю, что это было так. Я не обижалась, у меня другая роль... Вот он ее спрашивает: "Ань, ты заикаешься?" - "Сейчас уже плохо, а вот раньше хорошо заикалась". С ними скучно не было. Значит: "Как бы мне его папой не назвать?" Мы сидим в парке, Глеб отошел за сигаретами, возвращается: "О чем, девочки, речь?" Я моргаю ей - ни в коем

случае, глупо же по крайней мере. А она: "Тогда ты скажи". Ну, что? Что остается? Признаюсь ему, что она боится, как бы его случайно папой не назвать. Он: "Дело, конечно, не простое, но если хочется очень, назови". - "Ты только смотри, - серьезно говорит мое чудо, - у меня есть еще один папа, но он мне не нравится, и мама его не любит". Так у нас с ней всегда. Мы сжигаем мосты. По дороге домой он уже был папа. Она бежала и кричала: "Папа! Папа!" Назавтра в детском саду всем объявила: "Меня учит читать папа". - "А кто твой папа?" - "Его зовут Глеб". Еще через день ее подружка принесла из дома новость: "Анька, ты врешь, у тебя нет папы. Этот твой папа не родной". - "Нет, это тот был неродной, а это родной". С Анькой спорить бесполезно, он стал "папа", а я? Я - еще не жена...

У меня отпуск. Опять уезжаю. Он бежит за вагоном и долго машет-машет. Но уже в поезде у меня начинается роман. Едут два молодых инженера из Харькова и тоже в Сочи, как я. Боже мой! Я такая молодая. Море. Солнце. Купаемся, целуемся, танцуем. Мне легко и просто, потому что мир прост, ча-ча-ча-казачок и все, я в своей стихии. Меня любят, меня носят на руках, два часа в горы меня поднимают на руках.. Молодые мышцы, молодой смех. Костер до утра... Вижу сон. Сон выглядел так: потолок открывается... Небо... Я вижу Глеба... Мы куда-то идем с ним, идем по морскому берегу, а там не отшлифованная волнами галька, а острые-острые камни, тонкие и острые, как гвозди. Я иду в обуви, а он босиком. "Босиком, - объясняет мне, слышнее". - "Не слышнее, а больнее. Давай поменяемся". - "Что ты? У меня тогда не получится улететь", - и после этих слов он поднимается, складывает руки, как мертвый человек, и таким образом летит, его уносит. Я и сейчас, если вижу его во сне, то именно летящим. Только руки у него почему-то сложены, как у мертвого человека, совершенно не напоминают крылья...

Боже, я сумасшедшая, я никому не должна об этом рассказывать. Все-таки чаще всего у меня ощущение, что я в этой жизни счастлива. Даже, когда его не стало. Я пришла на кладбище, и вот я помню, что иду... Он где-то здесь, такая острота счастья, такая - мне хочется кричать. Боже... (Про себя. Неразборчиво.). Я - сумасшедшая... Со смертью остаешься один на один. Он много раз умирал, он репетировал смерть с шестнадцати лет... "Завтра я буду прах и ты меня не найдешь". Мы подходим к самому главному... В любви я начинаю медленно жить, очень медленно жить... Медленными глотками... У нас сюжетные все эти истории, мы любим продолжения...

Отпуск кончается, я возвращаюсь. Инженер провожает до самой Москвы. Я должна обо всем рассказать Глебу... Прихожу к

нему... У него на столе лежит еженедельник, весь исчеркан, обои в кабинете исписаны, даже на газетах, которые он читал... Всюду только три буквы: к, э, в. Большие, маленькие, печатные, прописью. Я спрашиваю: "Что это?" Он расшифровывает: кажется, это все? И вопросительные знаки везде... Как ключи... Ну, вот мы расстаемся и надо это как-то Аньке объяснить. Заехали за ней, а у нее прежде чем выйти из дому - порисовать! Тут она не успела, сидит в машине и рыдает. А он уже привык к тому, что она такая сумасшедшая, находил, что это талант. Это была уже семейная сцена: Анька плачет, он ей что-то объясняет, а я между ними... Так смотрит, смотрит на меня... (Молчит). Я поняла: он безумно одинокий человек. (Молчит). Какое счастье, что я не прошла мимо... Какое счастье! Надо жениться, он боится, потому что был уже дважды женат. Женщины предавали его, они уставали и их нельзя было винить... Я не прошла мимо... И я... Он подарил мне целую жизнь...

Он не хотел, чтобы его расспрашивали... Откровенничал редко, если начинал вспоминать, то какая-то бравада, чтобы это было смешно, зэковское такое, припрятывание за этим всего серъеза. Планочка другая. Например, никогда не говорил "свобода", а всегда "свободка". "И вот я на свободке." Редкое настроение... Тогда так вкусно рассказывал... Я просто чувствовала его радости, вынесенные оттуда: как достал куски шины, привязал их на валенки, и у них был этап, и он так радовался, что у него есть эти шины. Однажды принесли полмешка картошки и где-то на свободке, когда работали, кто-то дал большой кусок мяса. Ночью в котельной они сварили суп: "И ты знаешь, это было так вкусно! Так замечательно!" Когда освободили получил компенсацию за отца, ему сказали: "Мы вам должны за дом, за мебель..." Большие деньги. Он купил новый костюм, новую рубашку, новые туфли, купил фотоаппарат и пошел в ресторан "Националь", заказал все самое вкусное, пил коньяк, кофе с фирменным тортом. В конце, когда наелся, попросил, чтобы его кто-то в этот самый счастливый момент жизни сфотографировал. "Возвращаюсь уже на квартиру, где жили, - вспоминал, - и ловлю себя на мысли, что счастья не чувствую. В этом костюме, с этим фотоаппаратом... Почему нет счастья? Всплыли в памяти те шины, тот суп в котельной - вот там было счастье." И мы пытались понять... Вот... Где же живет это счастье? Лагерь он не отдал бы ни за что, не поменял бы. С шестнадцати и почти до тридцати лет он не знал другой жизни, и если представлял себе, что вдруг бы не посадили, ему становилось страшно. Что бы тогда было? Вместо этого? Чего бы он не постиг? Чего бы он не увидел? Вероятно, того самого

стержневого, что и сделало его самим собою. На мой вопрос, "Кем бы ты был без лагеря?", отвечал: "Я был бы дураком и ездил на красной гоночной машине, самой модной". Лагерники редко дружат между собой, им что-то мешает. Что? В глазах друг друга они выслеживают то, что было, им мешают пережитые унижения. Особенно мужчинам. Лагерники к нам в дом редко приходили, он их не искал...

Его бросили к блатным... Мальчик... Что там с ним было не узнать никому и никогда. Женщина может рассказать об унижениях, а мужчина нет, женщине легче говорить, потому что насилие заложено в ее биологии, в самом половом акте. Она каждый месяц начинает жизнь заново... Эти циклы... Сама природа ей помогает...

Две дистрофии третьей степени... Лежал на нарах весь в фурункулах, мок в гное... Должен был умереть, но почему-то не умирал. Умер парень, лежавший рядом, он повернул его лицом к стенке. Спал так с ним три дня. "А этот жив?" - "Жив." Получалось две пайки хлеба. Ужас был такой силы, что утрачивалось чувство действительности, смерть уже не пугала. Зима. За окном лежат аккуратно сложенные трупы... Мужских больше...

Домой возвращался на верхней полке. Поезд тянулся неделю. Днем он не слезал, в туалет ходил ночью. Боялся. Попутчики угостят - расплачется. Разговорятся, и они узнают, что он из лагеря.

Он был безумно одинокий человек...

Заявлял теперь всем гордо: "У меня семья". Каждый день удивлялся нормальной семейной жизни, вообще как-то очень этим гордился. Только страх... Но страх всосался, въелся в него, просыпался ночами мокрый от ужаса: не допишет книгу, не прокормит семью, я брошу... Сначала страх, а затем стыд за этот страх. "Глеб, если ты захочешь, чтобы я ради тебя танцевала в балете, я буду. Я на все способна ради тебя". В лагере он выжил, а в обычной жизни... рядовой милиционер, остановив машину, мог довести его до инфаркта. "Как же ты остался там жив?" - "Меня в детстве очень любили.". Нас спасает количество полученной любви, это наш запас прочности. Я была медсестрой... Я была нянькой... Актрисой... Чтобы он не увидел себя таким, какой он есть, чтобы он не увидел своего страха, иначе он не сможет себя любить. Чтобы он не узнал, что знаю... Любовь - это такой витамин, без которого человек не способен жить, у него сворачивается кровь, останавливается сердце. Ой, как много я добыла в себе... Жить, как бежать стометровку... (Молчит. Чуть-чуть качается в ритме каких-то своих мыслей). А знаете, о чем он просил перед смертью? Единственная его просьба: "Напиши на

камне, который будет лежать надо мной, что я был счастливым человеком. Я столько успел: выжил, любил, написал книгу, у меня есть дочка. Боже мой, какой я счастливый человек". Кто-то чужой услышит или прочтет... Не поверит... Клинический, мол, случай... А он был счастливый человек! Он мне столько подарил... Я стала другая... Какая крошечная наша жизнь... Мне и восемьдесят, и сто, и двесте лет мало. Я вижу, как смотрит моя старенькая мама в сад, она не хочет с этим прощаться. Никто не хочет с этим прощаться... Жаль, как жаль, что он такую меня, как я сейчас, не знал... Я его поняла... Я его только сейчас поняла... Вот... Он немножко меня боялся, чуть-чуть боялся. Боялся моей женской сути, какого-то... Не раз повторял: "Запомни, когда мне плохо, я хочу быть один". Но... Я не могла... Мне необходимо было следовать за ним ... (Молчит, что-то додумывая). Жизнь нельзя очистить до смерти, чтобы вот она была чистая, как смерть. Вот, когда человек становится красивым, какой он есть. К этой сути в жизни, наверное, немыслимо пробиться. Приблизиться.

... Когда я узнала, что у него рак, я всю ночь лежала в слезах, а утром помчалась к нему в больницу. Сидел на подоконнике, желтый и очень счастливый, он всегда был счастливый, когда что-то менялось в жизни. То был лагерь, то была ссылка, то потом началась воля, а вот теперь еще что-то такое... Смерть как воля... Как перемена...

- Боишься, что умру?

- Боюсь.

- Ну, во-первых, я тебе ничего не обещал. А,

во-вторых, это будет дома и не скоро.

- Правда?

Я, как всегда, ему верила. Тут же вытерла слезы, и убедила себя, что мне опять надо ему помочь. Больше не плакала... Приходила утром в палату, и тут начиналась наша жизнь, то мы жили дома, а теперь живем в больнице. Полгода еще прожили в онкоцентре...

Не могу вспомнить... Так много говорили, как никогда, целыми днями, а вспоминаются крохи... Отрывки...

Он знал, кто на него донес. Мальчик с ним занимался в кружке Дома пионеров. Написал письмо. То ли сам, то ли заставили: ругал товарища Сталина, оправдывал отца, врага народа... Ему следователь это показал... Всю жизнь Глеб боялся, что тот узнает, что он знает, однажды даже хотел его вспомнить в своей книге, но потом ему передали, что у того родился неполноценный ребенок, и он побоялся - вдруг это возмездие. У лагерников свои отношения с доносчиками... С палачами... Они часто встречались на улице, так получилось, что мы даже жили

рядом... Глеб умер, и я рассказала нашей общей подруге... Она не поверила: "Н.? Не может быть, он так хорошо говорит о Глебе, как они дружили в детстве. Плакал на кладбище". Я поняла, что не должна... Не должна... Есть черта, которую человеку опасно переступать... Все, что написано о лагере, написали жертвы. Палачи молчат. Мы не умеем их различить среди других людей. Вот... А он не хотел... Он знал, что для человека это опасно... Для человека...

Он привык умирать с детства... Не боялся этой маленькой смерти... Бригадиры-блатные продавали их пайки хлеба, проигрывали, и они ели битум. Черный битум. И погибали, склеивался желудок. А он просто перестал есть, только пил. Один мальчишка побежал... специально побежал, чтобы застрелили... По снегу, под солнцем... Целились... Стреляли... Весело... Как на охоте... Как в утку... Застрелили в голову, приволокли на веревке и бросили... Там у него страха не было... А здесь нужна была я...

- Что такое лагерь?

- Это трудная работа.

Слышу... Как будто слышу его голос...

- Выборы. Даем концерт на избирательном участке. Я - конферансье. Выхожу на сцену и объявляю: выступает хор. Стоят политические, власовцы, проститутки, карманники, - и поют песню о Сталине: "И летит над просторами дальними наша песня к вершинам Кремля".

Заходит с уколом медсестра: "У вас уже красная попа. Места нет." "Конечно, у меня красная попа, я ведь из Советского Союза.". Мы много смеялись даже в последние дни. Очень много смеялись.

- День Советской армии. Я читаю на сцене Владимира Маяковского "Стихи о советском паспорте". "Читайте. Завидуйте. Я - гражданин Советского Союза". Вместо паспорта у меня кусок черного картона. Показываю... И вся вохра мне завидует... "Я - гражданин Советского Союза". Завидуют проститутки, бывшие советские военнопленные, карманники, эсеры...

Никто не узнает, как это было на самом деле, с чем они уходят. Он был безумно одинокий человек... Я его любила...

Оглянулась у двери - помахал рукой. Возвращаюсь через несколько часов он уже в коме. Кого-то просит: "Подожди... Подожди..." Потом перестал, просто лежал без сознания. Еще три дня. Я и к этому привыкла. Ну, вот он тут лежит, а я тут живу. Мне поставили кровать с ним рядом. Вот... Третий день... Уже трудно колоть внутривенные... Тромбы... Я должна разрешить врачам все прекратить, ему не будет больно, он не услышит. И мы с ним остались совсем вдвоем... Ни приборов, ни врачей, к нему никто больше не заходит. Я прилегла рядом. Холодно. Забралась

под одеяло к нему и уснула. Проснулась, но не открываю глаза, мне показалось: мы спим у себя дома, открылся балкон... он еще не проснулся... С закрытыми глазами... Открываю все вспомнила... Тут заметалась... Встала, положила руки ему на лицо: "А-а-ах..." - услышал меня. Началась агония... и я ... так сидела и руку держала, последний удар сердца я послушала. Еще долго так сидела... Позвала нянечку, она помогла мне надеть ему рубашку, голубую, его любимый цвет. Я спросила: "Можно посидеть?" - "Да, пожалуйста. Не боитесь?" Никому не хотела его отдавать. Он был моим ребенком, мама с ребенком не боится оставаться... Чего ей бояться? К утру он стал красивый. Исчез с лица страх, ушло напряжение. Вся жизненная суета. И я увидела тонкие, изящные черты. Лицо восточного принца. Вот какой он! Вот какой он на самом деле! Таким я его не знала. Таким он со мной не был. (Плачет. Впервые за весь наш разговор).

Я всегда светила отраженным светом... Могла сотворить, создать... Это была, конечно, всегда работа. Всегда работа. Даже в постели... Чтобы у него получилось, сначала - он, потом - я. "Ты - сильный, ты - добрый, ты- самый лучший. Замеча-атель-ный". У меня в жизни не было мужчины, который бы захватил меня так, чтобы я не чувствовала себя нянькой. Мамой. Сестрой милосердия. Я всегда была одинока. После у меня появились поклонники... Были романы... И сейчас есть друг, он тоже весь как-то зажат, несчастен, неуверен, потому что такая жизнь, в такой стране мы живем. Наша история наши несчастья и катастрофы. Даже Глеб был смелее. После лагеря. У него был гонор: а вот я выжил! а вот я перенес! я такое видел! Он был гордый. А у этого страх сегодняшний... Во всех клетках... У меня одна роль... Все та же роль...

И все-таки я была счастлива... Пусть это была трудная работа, но я счастлива, что эта работа у меня получилась... Чаще всего у меня в жизни ощущение, что я счастлива. Стоит лишь закрыть глаза...